

М. А. Тростина, К. Н. Шишканова
**НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ О COVID-19
 КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-177-185

УДК 398(47)“20”

ББК 82.3(2)

В статье проводится анализ народных рассказов о COVID-19, записанных в городской среде в марте–декабре 2020 г. Выявляются разновидности «ковидной» прозы (случаи из врачебной практики, «исповеди» переболевших, гипотезы о происхождении вируса, сплетни о запланированном чипировании, народные рецепты от «китайской заразы» и др.), определяется их тематика (происхождение вируса, продолжительность пандемии, способы лечения ковида, эффективность вакцины, пути заражения и т. д.), называются отличительные особенности устных рассказов: актуальность и злободневность содержания, оперативность реагирования на новые гипотезы и версии о происхождении и лечении вируса, подвижность жанровых границ. Байки медицинских работников, повествуя о неординарных происшествиях в медицинской практике, соединяют в себе трагическое и комическое. Их героями выступают врачи, проявляющие чудеса выносливости и самоотверженности, и «страдальцы»–больные, достойные уважения и сочувствия. Нарративы, бытующие в обширном социокультурном пространстве, основаны как на личном опыте, так и на информации, полученной из открытых источников (СМИ, интернет, работники медицины). Появление и активное развитие «ковидного» фольклора свидетельствует о доминантной особенности устного народного творчества живо откликаться на изменения в жизни человека и общества и выступает наглядной демонстрацией непрерывного развития фольклорной традиции на современном этапе.

Ключевые слова: *народные рассказы, городской фольклор, медицинский фольклор, COVID-19, фольклорная традиция, байка*

Современный городской фольклор — явление многогранное и вполне характерное для отечественной фольклористики. В последние годы устное творчество городских субкультур и сообществ вызывает активный интерес ученых, открывая новые грани для научно-исследования.¹ Исследователи указывают

на такие отличительные черты городского фольклора, как «дифференциация не по региональному, но по возрастному, половому, профессиональному и иным признакам»,² «идеологическая раскрепощенность»,³ связь с массовой культурой, «активное использование ее семантики, топики, стилистики».⁴

¹ См., напр.: Абдрашитова М. О. Своеобразие современного городского фольклора (на материале жанра загадки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-1 (31). С. 13–15; Грамматчикова Н. Б. Постфольклор и интернет-лор. Екатеринбург, 2017; Антонова Е. Л., Таранова А. Е. Трансформация понимания фольклора в современном постнеклассическом дискурсе // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 4 (84). С. 124–132; Стрельцова Е. Ю. Современный городской фольклор в ракурсе учебного рассмотрения // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. 2014. № 1 (57). С. 148–151; и др.

В связи с непрекращающимся процессом глобализации актуальной представляется проблема, «связанная с возможностью существования фольклора, с его модернизацией в современном постиндустриальном обществе».⁵ Предложенное С. Ю. Неклюдовым понятие «постфольклор»⁶ еще не получило окончательного научного закрепления, между тем изменение «коммуникативных качеств» фольклора,

Тростина Марина Александровна — к.филол.н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (г. Саранск)
 E-mail: trostina@mail.ru

² Тихомиров С. А. Фольклор современной городской молодежи: аксиологический аспект: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2009. С. 3.

³ Современный городской фольклор. Минск, 2014. С. 7.

⁴ Неклюдов С. Ю. Фольклорные традиции современного города. URL: <https://www.culture29.ru/upload/medialibrary/f67/f67211a724844c58553b17ad1374f56a.pdf> (дата обращения: 03.11.2020).

⁵ Каргин А. С. Фольклор в современном культурном пространстве // От конгресса к конгрессу: навстречу Второму Всерос. конгр. фольклористов. М., 2010. С. 18.

⁶ Впервые термин «постфольклор» был предложен С. Ю. Неклюдовым в работе «После фольклора» в 1995 г. См.: Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Шишканова Ксения Николаевна — соискатель кафедры русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (Республика Мордовия, Лямбирский район, с. Александровка)
 E-mail: madam.kseniya92@gmail.com

появление новых форм и текстов, дифференциация его функций признаются как фольклористами, так и представителями смежных гуманитарных дисциплин.⁷

Ученые отмечают радикальные изменения в жанровом ассортименте постфольклора, указывая, что в прошлое уходят «почти все старые устные жанры — от обрядовой лирики до сказки»,⁸ «на первый план выдвигаются жанровые комплексы либо относительно недавнего происхождения (например, городские песни и анекдоты), либо существенно модифицированные — современные мемораты и предания (в том числе неомифологические), включая такие слабо структурированные тексты, как слухи и сплетни»;⁹ причем «пространство традиций и жанров фольклора в социально-коммуникативных процессах приобретает свою большую субъективность».¹⁰ В качестве одной из ведущих тенденций современного фольклорного процесса называется стремление «схватить» «глубинные смыслы и их связь с актуальными событиями внешнего для него плана».¹¹

Действительно, фольклор под влиянием трансформации образа жизни, процессов модернизации, тотальной информатизации не только изменяет образцы традиционной народной культуры, но и живо откликается на изменения в жизни человека и общества. Яркое подтверждение тому — недавно появившийся в городской среде и стремительно развивающийся в силу сложившихся обстоятельств так называемый «ковидный» фольклор. COVID-19 оказал существенное влияние на быт и сознание общества: вселил в души людей страх за здоровье близких и неуверенность в завтрашнем дне, ввел в повседневный обиход непривычные аксессуары (маски, перчатки, антисептики), нарушил устойчивые традиции совместных праздничных застолий, посиде-

лок на скамейках у подъездов, а в ряде случаев даже отменил самый константный из традиционных обрядов — похоронный, ограничив его одним формальным ритуалом — погребением.

Как показала практика, люди оказались совершенно неподготовленными к пандемии, проявив растерянность, страх, а поначалу даже панику, отозвавшиеся в устных рассказах о «китайской заразе», «корововирусе», «коронавирусе», «корона-минусе», «коровьем выдристе» — такие именованья получила новая болезнь в народной среде.

Массив «ковидного» фольклора составили многочисленные рассказы, возникшие в обширном социокультурном пространстве: случаи из врачебной практики, «исповеди» переболевших, гипотезы о происхождении вируса, сплетни о запланированном чипировании, школьные и студенческие анекдоты о дистанционном обучении, народные рецепты от «китайской заразы», ситуативные афоризмы, поговорки и т. д. К их отличительным особенностям относятся: актуальность и злободневность содержания, оперативность реагирования на новые гипотезы и версии о происхождении и лечении вируса, пользе и вреде вакцинации, последствиях болезни и т. д., подвижность жанровых границ и открытость для взаимопроникновений.

Устные рассказы, по справедливому замечанию И. С. Веселовой, составляют «существенную часть речевой повседневности современного горожанина», выступая важнейшим средством «межличностной коммуникации, передачи сообщения face-to-face».¹² Кроме того, они отражают национальный характер, поскольку содержат в себе народную оценку того или иного события, демонстрируют картину мира, сформировавшуюся в народном сознании. По рассказам о COVID-19, записанным авторами статьи в Саранске (Республика Мордовия), Москве и Санкт-Петербурге в период с марта по декабрь 2020 г., можно составить представление об алгоритме формирования и развития новой разновидности городского фольклора. Ареал исследования отнюдь не случаен: он обусловлен стремлением выявить общее и особенное в сюжетах о COVID-19 в мегаполисе и городе провинциальном, осмыслить различия и сходство в их интерпретации жителями двух российских столиц (Москвы

⁷ См., напр.: Антонова Е. Л., Таранова А. Е. Указ. соч. С. 124–132; Тихомиров С. А. Указ. соч.; Лосинская А. Ю. Формы фольклора в ролевой субкультуре: ироническое и запредельное // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5 (11), ч. 3. С. 100–103; Архипова А. С., Неклюдов С. Н. Фольклор на асфальте // Живая старина. 2007. № 3. С. 2, 3; и др.

⁸ Бушев А. В. Русский фольклор в современном мультикультурном мире // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. 2018. Вып. 2. С. 90.

⁹ Неклюдов С. Ю. Фольклорные традиции...

¹⁰ Родионова О. И. Народная культура и фольклор в изменении пространства социальных коммуникаций российского общества: основные тенденции // Вестник ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2005. Вып. 4, ч. 1, С. 104–109.

¹¹ Там же.

¹² Веселова И. С. Нарратология стереотипной достоверной прозы // Русский фольклор в современных записях. URL: http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php?rubr=Research-articles (дата обращения: 26.11. 2020).

как официальной и Петербурга как культурной) и периферии.

Сбор текстов осуществлялся с использованием следующих методов: включенного наблюдения, проводимого авторами в естественных условиях (в городском транспорте, в очереди на прием к врачу, в магазине и т. д.); неформальной беседы, в ходе которой выяснялось отношение к COVID-19 представителей различных городских сообществ; интернет-опроса, позволившего авторам статьи вступить в коммуникацию с медицинскими работниками из столичных городов и в сжатые сроки получить информацию от целевой аудитории.

При изучении фольклора периода коронавирусной инфекции следует учитывать не только многообразие его жанровых форм, но и специфику дискурса. В устных народных рассказах отразилось отношение к пандемии представителей различных социальных групп: от устойчивых «околоподъездных» коллективов до медицинского персонала «красной зоны». К числу наиболее актуальных вопросов, связанных с COVID-19 и породивших множество толков и пересудов, можно отнести следующие: 1) существование вируса (есть или нет, вымысел или правда); 2) происхождение вируса (природный или искусственно созданный — Китаем, Америкой или другой страной); 3) время появления болезни (осень или зима 2019 г., весна 2020 г., более ранние периоды); 4) сроки исчезновения (к осени, к зиме, через год, никогда); 5) действенность средств индивидуальной защиты (помогают маски и перчатки или не помогают); 6) способы заражения (воздушно-капельный, бытовой, во время массовых гуляний и т. д.); 7) народные способы борьбы с болезнью (алкоголь, лимон и имбирь, чеснок и т. д.); 8) польза или вред вакцины от вируса. Эти и другие волнующие городское население темы стали отправной точкой для возникновения нарративов, основанных как на личном опыте, так и на информации, полученной из открытых источников (СМИ, интернет, работники медицины).¹³

Медицинские и общенародные байки городского населения России едины в оценке коронавируса как сложной и непредсказуе-

мой «напасти», с которой нужно учиться жить в новых условиях, не теряя оптимизма и веры в будущее. Жанровая специфика юмористического рассказа, основанного, как правило, на реальных событиях, позволяет удовлетворить запрос человека как в источнике достоверной информации, так и в поиске рецепта от растерянности, страха, депрессии.

Случаями из практики медики иллюстрируют профессиональные представления о тяжелом течении нового заболевания, от которого следует предохраняться всеми возможными способами. Байки медиков повествуют о неординарных происшествиях, соединяя в себе трагическое и комическое одновременно. Героями рассказов выступают прежде всего сами врачи, принявшие удар на себя и проявляющие чудеса выносливости и самоотверженности: «Третью ночь почти без сна. Честно говоря, те дни плохо помню, все как в тумане. Мозг, наверное, про все плохое забывает. Так вот, третий день почти без сна, пациентов меньше не становится. Прилегал на часок на кушетке в коридоре. Снится сон, будто пришел пациент ко мне, я его сразу узнал, так как в тяжелом состоянии к нам прибыл. Так вот, говорит мне, что быстрее лечить меня надо, а то поздно будет. Меня как обухом по голове — просыпаюсь, смотрю на время. Прошло два часа, видимо, будильник не услышал. Я бегом сразу к тому, кто ко мне во сне приходил. Как оказалось, у него температура опять поднялась, плюс давление, проблемы с дыханием. Короче, целый набор — еле откачали».¹⁴

В сложных условиях сохранять самообладание и находить дополнительные силы, как физические, так и духовные, работникам медицины помогают оптимизм и природный юмор, выполняющий к тому же защитную функцию.¹⁵ Несмотря на стрессовость и высокую рискогенность ситуаций, медики умеют сохранять спокойствие и повышать настроение как коллегам, так и больным, посредством доброй шутки вселяя веру в скорейшее выздоровление. Первые «ковидные» байки врачей были связаны с необычностью защитной экипировки: «Про очки наши в курсе? Как же они раздражают, постоянно потеют — ничего не видно. Подглядели у коллег методичку: сушим

¹³ Типология «пандемических» текстов обстоятельно разработана в статье Петрова Н., Архиповой А., Спиридонова В., Пейгина Б. Инфодемия: существующие подходы к анализу паник, фобий, слухов, фейков во время эпидемий и предложения по борьбе с ними // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 8 (110). С. 70–77.

¹⁴ Полевые материалы авторов (ПМА). Москва. 2020 г.

¹⁵ О специфике фольклора медицинских работников см.: Тростина М. А., Шишканова К. Н. Профессиональный фольклор медицинских работников // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2020. № 12. С. 230–234.

их феном. Так вот, история. Звоню жене, прошу ее передать мне “фенчик”. Не знаю, почему так глупо сказал, но объяснил, для чего он мне нужен. Принесли пакет от жены — смотрю, а в нем венчик, ну, которым массу для блинов месят. Услышала неправильно, видимо. Смеялись мы всем отделением над венчиком. Оставили его себе, висит теперь в ординаторской на крючке. Ну, а фен мне принесли чуть позже». ¹⁶

Специфика заболевания привела к заметной трансформации образа больного в «ковидных» рассказах: из ограниченного и глуповатого, представленного в повседневном врачебном фольклоре, он превращается в страдальца, помощника врача, «страстотерпца», достойного уважения и сочувствия: «Больные у нас очень добрые и самые внимательные. Мы же работаем в трех перчатках, поэтому в вену ужасно сложно попасть. Такие синяки остаются, что стыдно. Пришла на днях бабушке лет восьмидесяти ставить укол в руку, никак вену найти не могу, переживаю. Тут она надевает свои очки и начинает мне помогать ее искать. И нашла, представляете! Оказалось, она всю свою жизнь медсестрой была». ¹⁷

Среди врачебных рассказов большинство составляют «повествования с активным героем», выстраиваемые «по классической сюжетной схеме, основанной на действиях героя, преодолевающего “семантическую границу”». ¹⁸ На основе анализа собранного материала можно составить общее представление о сформировавшейся структуре медицинских нарративов. Во вступлении указываются место и время действия («Из ироничных историй, который произошли со мной в последний раз, это как при посещении стационара в Ф***-ской больнице я застрял в “красной зоне” на дезинфекции»), называются его участники («А застрял я там потому, что был с коллегой»); в основной части сообщается о самом событии, акцентируется внимание на его экстраординарности, связанной с отклонением от нормы («У нее упал телефон. Она опустила его поднимать и снизу увидела, что мой костюм разошелся в некоторых местах»); в финальной части, как правило, представляется разрешение нестандартной ситуации самым неожиданным образом, что способствует созданию комического

эффекта («А ирония в том, что коллега уронила телефон из-за того, что ей как раз звонил поставщик этих костюмов»).

Во врачебных байках звучит негодование по поводу халатного отношения населения к профилактике заболевания и возмущение в адрес людей, считающих, что «никакого вируса нет», «знакомые не болели, значит, это все ложь», «маски никого не спасут», а также тех, кто ведет себя легкомысленно и цинично. Врач выступает в них активно действующим лицом, дающим оценку происходящему: «Работаю на скорой. Вызов поступил, жалобы на температуру, кашель и отсутствие запахов. В общем, все признаки короны. Едем на адрес, во всей спецодежде заходим в квартиру. Эти идиоты нас увидели и на пол упали: за ангелов приняли. Начали кричать, молиться. Плачут, чтоб их не забирали на тот свет. Оказалось, какие-то алкаши поспорили на бутылку. За ложный вызов оштрафовали их, конечно. Но что там штраф, ведь мало ли, кому-то помощь в это время нужна была». ¹⁹

Первые устные рассказы о COVID-19 как в столичной, так и в провинциальной городской среде появились в феврале–марте 2020 г. и были связаны с темой возникновения и продолжительности новой болезни. Мнения россиян разошлись, несмотря на наличие официальной версии о первом случае заболевания, зафиксированном 17 ноября 2019 г. в г. Ухань КНР. В большом количестве собранных текстов ведущая роль в создании «заразы» отводилась Америке: «Что бы с нами ни случилось — это все Америка» (рабочий, 1964 г. р., Саранск); «Этот вирус поганый, ковид который, нам американцы с воздуха пускают, я зуб даю» (водитель, 1972 г. р., Саранск). Второе место в «рейтинге» заняли страны Европы (Италия, Германия), в которых активно запускается технология 5G, получившая в интернете негативный отклик: «Я читала у какой-то блогерши в Инстаграме, что коронавирус распространяется с помощью вышек 5G. Поэтому уж не знаю, но я скорее против, чем за, чтоб их ставили у нас в России» (студентка, 2000 г. р., Саранск). Рассказы о Китае как о родине вируса тоже многочисленны и содержат в себе народные гипотезы об изобретении вируса и путях его распространения на территории страны и за ее пределами: «Вот я слышал про появление ковида, что в Китае, где-то в Ухане, кто-то решил

¹⁶ ПМА. Г. Саранск Республики Мордовия (далее — РМ). Июнь 2020 г.

¹⁷ ПМА. Санкт-Петербург. Май 2020 г.

¹⁸ См. о принципах сюжетостроения устных рассказов: Веселова И. С. Указ. соч.

¹⁹ ПМА. Москва. Май 2020 г.

побаловаться летучей мышью, не знаю правда, как это можно есть, но они как-то едят. На вкус и цвет, как говорится. Так вот, эти мыши летучие являются одними из переносчиков этого вируса» (учащийся, 2007 г. р., Саранск).

Появление первых зараженных в нашей стране породило не только панику и растерянность среди населения, но и народные теории о продолжительности нового вируса. Люди стали активно ссылаться на мнения гадалок, интернет-ясновидящих, которые прогнозировали очередной конец света, вселяя в души и без того напуганных людей еще больший страх: «В газете читала, что Ванга уже тогда пророчила корону. Говорила что-то: “На планете будет ужасная хворь, придет она с Востока. От нее все будут падать без причин...” И вот как не верить, правда же все! Страшно-то как!» (пенсионерка, 1948 г. р., Саранск).

Мнения о сроках окончания пандемии расходятся: одни настроены оптимистично и верят в скорую победу над вирусом: «Да ладно, скоро уже все кончится, вакцину изобретут, и жить начнем. Как раньше, будем в гости ходить и за руки здороваться» (продавец, 1984 г. р., Саранск); другие считают, что этот вирус непобедим: «Всю жизнь теперь будем в этих намордниках ходить, и никому мы не нужны» (информант пожелал остаться неизвестным, Саранск); третьи вообще не верят ни в существование вируса, ни в его опасность: «Нет никакого ковида, что вы с ним заладили все! Из телевизора про него только и говорят, и вы сейчас еще. Всегда говорю, что русский человек ничем не болеет и не будет. Водку выпил и дальше пошел. Нашли тут, на чем нас подловить. А даже если и есть эта ваша китайская муть, то спиртом можно не только руки обработать» (пенсионер, 1952 г. р., Саранск); «Я вообще не верю в существование вируса. Это все выдумали, чтобы народ отвлечь от серьезных проблем. Властям так выгодно» (информант пожелал остаться неизвестным, Москва). Среди информантов, критично настроенных по отношению к существованию вируса и связанным с ним последствиям, большую часть составляют представители молодого поколения, которые, как показали уже первые месяцы пандемии, заболевают гораздо реже старшего или переносят заболевание бессимптомно или легко; сомневаются в опасности и долговечности COVID-19 мужчины среднего возраста, женщины более подвержены панике ввиду особенностей психики.

Оперативное введение правительством режима самоизоляции и удаленной работы, ежедневное обнародование в СМИ статистических данных о новых заражениях коронавирусной инфекцией и летальных случаях дали толчок к возникновению в городской среде так называемых слухов, выступающих «источником и способом передачи информации, альтернативным официальному».²⁰ Построенные на устойчивых моделях («говорят, что...», «мне рассказали...», «от кого-то слышала...») слухи о COVID-19 отражают тревожное состояние людей в обществе, недоверие к официальным источникам и стремление узнать правду «на стороне». Обитатели городского пространства закономерно озабочены вопросами о смертоносной силе вируса, об истинном количестве жертв «короны» в России, о тайнах, скрываемых правительством и медицинскими работниками, «подписавшими бумаги о неразглашении»: «Поговаривают, что у людей, которые от ковида умерли, вырезают органы, поэтому и хоронят в черных пакетах, чтобы родственники не знали» (продавец, 1970 г. р., Саранск); «Моя бабушка со стороны отца болела коронавирусом. Она мне рассказывала, что в больнице старики идут и от этого вируса прямо падают в обморок на ходу. Или вообще замертво» (студентка, 1992 г. р., Санкт-Петербург); «Знаешь, что по слухам-то ходит, что после больницы, ну, когда переболеешь, “веселым” приходишь. Ну, люди странные после их таблеток. Какие-то “чумурудные” приходят, улыбочивые. Вон до чего доводит эта зараза!» (пенсионерка, 1950 г. р., г. Саранск РМ).

Делясь «слухами», информанты ссылаются на «проверенные источники», игнорируя официальную информацию либо ставя ее под сомнение. Так, распространяя «сплетню» о новом месте захоронения «ковидников», рассказчики дают повод слушателям усомниться в верности официальной статистики летальных случаев: «А ты разве не слышал, что появилось новое кладбище в районе аэропорта? Там по ночам хоронят умерших ковидников. Почему аэропорт, спросишь ты?! Есть одна основная версия, что данное кладбище невозможно увидеть со спутников, так как радиосигналы аэропорта перебивают сигналы спутников сотовых операторов и различных дронов. Мне мой зять

²⁰ Левкиевская Е. Е. Слухи как речевой жанр // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls09_program_levkievskaya.htm (дата обращения: 12.11.2020).

сказал, а у него связи ого-го!» (из разговора в очереди городской поликлиники, Саранск).

Активное распространение в народных рассказах также получила теория о том, что COVID-19 — это хорошо спланированная инфекция, созданная для массового чипирования населения планеты. Основными источниками появления данной версии являются СМИ, YouTube- и WhatsApp-чаты, из которых она быстро вышла в народ. Слухи отражают противоположные реакции на эту новость: одни к возможному чипированию относятся со страхом: «Я слышала, что этот вирус по воздуху пускают специально, чтоб население проредить. Уж не знаю, верить или нет, но жутко от этого до дрожи» (пенсионерка, 1949 г. р., Саранск), другие воспринимают услышанное с юмором: «Мне мой Сашка, внук, говорит, что чипировать нас будут, поэтому вакцину делать не надо от ковида. А я ему говорю, пусть чипируют, вот помру — вам сразу сообщат, а то пролежу дома сто лет, а вы и не узнаете» (пенсионерка, 1949 г. р., Саранск).

В период пандемии в устном репертуаре городского населения появилось множество юмористических рассказов о незаменимых аксессуарах 2020 г. — масках и перчатках. Информантом, фармацевтом аптеки города Саранска, было отмечено, что в первые недели были буквально сметены с пололок все противовирусные препараты. Покупали все и без разбора, а особым спросом пользовались антисептики, спиртовые салфетки и, конечно же, средства индивидуальной защиты: маски, перчатки, очки, — что быстро привело к их дефициту. Принятый в стране масочный режим породил в обществе волну негодования, неприятия и отрицания, преломившихся в байках сквозь призму народного юмора и оптимизма: «Самое смешное в нашей работе в период вируса то, что мы не можем обслуживать посетителей без маски. Многие заходят в аптеку без нее, а мы должны их за маской отпратить, ну потому что не положено. Тут как-то залетает мужик и кричит: “Если сейчас и вы мне скажете, что без маски не обслуживаете и не продадите мне эту... маску, без которой меня нигде не принимают, я просто сяду на входе в вашу аптеку с табличкой “ПОМОГИТЕ КУПИТЬ МАСКУ ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРОМУ НЕ ПРОДАЮТ МАСКУ БЕЗ МАСКИ”».²¹

Другая тема «ковидного» фольклора — способы профилактики и лечения заболевания. Не доверяя врачам, которые «сами не знают, как лечить», информанты призывают следовать проверенным на себе (родственников, соседях, коллегах и т. д.) методам борьбы с ковидом. Первыми в качестве профилактических средств были названы имбирь и лимон: «Я короной не заболею. Я с первого дня принимаю настой. От всех вирусов помогает. Берешь имбирь... Корень целый... Моешь и на терке натираешь. Лимон один... Можно на терке, можно через мясорубку перекрутить. Меда ложки три с верхом. И чеснока. Я прямо целую головку через давилку пропускаю. Все перемешаешь и налей холодного кипятка чайник, ну литра два. Пусть ночь постоит, а утром натошак полстакана смело пей. Ни один вирус не возьмет!» (преподаватель, 1978 г. р., Саранск).

В качестве ударного средства против коронавируса предполагается русская баня с традиционным «послебанным 100-граммчиком»: «Самое главное для профилактики от коронавируса — это всегда ходить в баню! Раз — пар поддал, веничком березовым попарился, потом рюмочку водки с огурчиком соленым выпил. И все, никакая зараза тебя не тронет!» (водитель маршрутного такси, 1973 г. р., Саранск). Жители столичных городов в целях профилактики нового вируса предлагают прием в больших дозах витаминов С и Д, поливитаминных препаратов: «Я сразу, как ковид начался, купила самые дорогие витамины и пью двойную дозу. И полезно для организма, и от вируса помогает» (информант пожелал остаться неизвестным, Санкт-Петербург).

Вспыхнувшая, как стихийное бедствие, пандемия не отступила, подобно птичьему гриппу, а лишь чуть ослабла в летний период и с новой силой заявила о себе с наступлением осени 2020 г., вызвав тем самым активное продуцирование рассказов об огрехах системы здравоохранения: низкой профессиональной подготовке врачей, отсутствии медицинских препаратов, необходимых для лечения вируса, непригодности или бесполезности тестов, диагностирующих COVID-19, и т. д. Рассказчики, прибегая к вымыслу, со скептицизмом отзываются о медицинской помощи, оказываемой заболевшим: «Уколами в больнице лечат бог знает какими. По 20 уколов в день, а у некоторых ковидников вообще 70. Ужас!» (из разговоров в городской поликлинике, Саранск); «У нас тут недавно говорили, что все тесты,

²¹ ПМА. Г. Саранск РМ. Апрель 2020 г.

которые в поликлинике брали, брали неправильно, поэтому всем отрицательные результаты приходят» (учащийся, 2002 г. р., Саранск); «Мне соседка говорила (а она говорит правду, потому что у неё дочь работает в больнице) вот что: совсем старым людям ставят специальные прививки при коронавирусе, чтобы они умирали. Лечить нас не хотят» (информант пожелал остаться неизвестным, Саранск).

Особое место в городской «ковидной» прозе занимают «исповеди» переболевших — рассказы о течении болезни, содержащие оценку медицинской помощи. Информанты, перенесшие коронавирус, отмечают такие характерные симптомы инфекции, как потеря вкуса и обоняния («вкус и нюх потерял напрочь: то ли мясо, то ли трава, даже уксус не пахнет»), головные боли и слабость («голова раскалывалась, думал из-за непогоды, а это ковид во мне бодрствовал»), сильная одышка, сопровождаемая приступами сухого надрывного кашля («ощущение, что не до кухни доходил, а марафон пробегал»). Состояние больного в зависимости от степени тяжести представляется двояко. Либо как типичное для всех простудных заболеваний: «Я вообще легко перенесла болезнь. Даже на КТ не ходила. Так, слабость туда-сюда. Один день только звонит знакомая и давай: “Ты что на КТ не идешь? Затянешь! За один день может поражение развиться! Ложись на живот и лежи”. Я тут сразу стала к себе прислушиваться: и одышку нашла, и тяжелое дыхание, умирать собралась. Решила: надо вызвать скорую. А потом решила, что подожду до утра. А утром проснулась и забыла, что собиралась скорую вызывать. Вот так» (продавец, 1974 г.р., Саранск). Либо как критичное, связанное с неверием информанта в опасность вируса и легкомысленным поведением в первые дни болезни, — в таких повествованиях имеет место назидательность: «Кашлял, кашлял недели две, потом ноги отказывать стали, думаю, ну, пройдет, в первый раз, что ли! Так и догулялся. Упал на работе и очнулся через несколько недель после искусственной комы. Поражение легких 78 % было. Если бы не врачи, так и в свои 40 лет ушел бы... По гроб жизни врачам и медсестрам обязан. Когда выписывался, хотел их всех переобнимать, отблагодарил каждого как мог. Пообещал им

большую скидку сделать на наши заборы, жду теперь моих почетных клиентов-спасителей» (информант пожелал остаться неизвестным, Санкт-Петербург).

Стоит отметить, что после длительной самоизоляции люди становятся более острожными и ответственными. В социуме все еще сохраняются беспокойство и тревога, но большинство уже осознанно принимают COVID-19 и мирятся с долговременным отсутствием или трансформацией таких обыденных и привычных русскому человеку явлений, как проведение свадебного торжества, день рождения в шумной компании и просто душевный разговор с соседом по лестничной клетке: «Весь карантин не видел Мишку, соседа своего. Живем в одном подъезде сто лет, а из-за этой короны даже посидеть не можем. Жена его говорит: “В гости никого не зовем, вдруг заразите, и так своих болячек много, ковида этого не хватало!”» (из телефонного разговора, Саранск).

Итак, в результате сбора и анализа принципиально новой разновидности городского фольклора — народных рассказов о COVID-19 — мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, зародившийся одновременно в столице и провинции «ковидный» фольклор отражает очевидную тенденцию, обусловленную локусом распространения пандемии: провинциальные жители старшего возраста гораздо острее реагируют на ее возникновение и течение, нежели молодежь, воспринимающая новые социальные реалии с долей оптимизма.

Во-вторых, в ходе опроса информантов, помимо устных рассказов, были выявлены и произведения других фольклорных жанров, отреагировавших на «ковидную» тему (анекдоты, афоризмы, рассказы о дистанционном обучении), которые весьма перспективны в качестве материала для дальнейшего исследования.

И наконец, появление «ковидного» фольклора свидетельствует не только о скорости народной реакции на события окружающей действительности, меткости народного ума и живости мышления, репрезентированных в формирующихся в режиме реального времени новых жанровых формах, но и о непрерывном развитии воплощающей человеческое взаимодействие посредством живого образного слова фольклорной традиции на современном этапе.

Marina A. Trostina

Candidate of Philological Sciences, Mordovia State University (Russia, Saransk)

E-mail: trostina@mail.ru**Ksenia N. Shishkanova**

Candidate of Sciences degree seeking applicant, Mordovia State University (Russia, Lyambirsky district, village Alexandrovka)

E-mail: madam.kseniya92@gmail.com

FOLK STORIES ABOUT COVID-19
AS A PHENOMENON OF MODERN URBAN FOLKLORE

The article analyzes folk stories about COVID-19 recorded in the urban environment during March–December 2020. The authors identify different varieties of “COVID” prose (the cases from medical practice, “confessions” of the people on the way to recovery, “hypotheses” of the virus’s origin, gossips about the planned chipping, traditional recipes for “the Chinese infection”, etc.), determine their subject matter (the origin of the virus, the duration of the pandemic, methods of COVID treatment, the vaccine’s effectiveness, means of transmission, etc.); distinctive features of oral stories are also given: the content’s relevance, the responsiveness to new hypotheses and versions of the virus’s origin and treatment, the mobility of genre’s boundaries. The tales of medical workers, telling about extraordinary incidents in medical practice, combine the tragic and the comic features. Their characters are doctors, showing miracles of endurance and selflessness, and “sufferers” — patients who are worthy of respect and sympathy. Narratives existing in a vast sociocultural space are based both on personal experience and on information obtained from “official sources” (mass media, Internet, medical workers). The emergence and active development of “COVID” folklore is an indication of folklore’s dominant features to respond vividly to changes in human life and society and acts as a clear demonstration of the sustainable development of folk traditions at the present stage.

Keywords: *folk stories, urban folklore, medical folklore, COVID-19, folk tradition, tale*

REFERENCES

- Abdrashitova M. O. [Originality of modern urban folklore (by material of riddle genre)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2014, no. 1-1 (31), pp. 13–15. (in Russ.).
- Antonova E. L., Taranova A. E. [Transformation of understanding of folklore in the modern post-nonclassical discourse]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2018, no. 4 (84), pp. 124–132. (in Russ.).
- Arkipova A. S., Neklyudov S. Yu. [Folklore on the asphalt]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 2007, no. 3, pp. 2–3. (in Russ.).
- Bushev A. V. [Russian folklore in a multicultural world]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura* [Vestnik of Buryat State University. Language. Literature. Culture], 2018, no. 2, pp. 90–96. (in Russ.).
- Gramatchikova N. B. *Postfol'klor i internetlor* [Post-folklore and internetlor]. Ekaterinburg: Ural'skiy universitet Publ., 2017. (in Russ.).
- Kargin A. S. [Folklore in the modern cultural space]. *Ot kongressa k kongressu: navstrechu Vtoromu Vserossiiskomu kongressu fol'kloristov: sbornik materialov* [From Congress to Congress: Towards the Second All-Russian Congress of Folklorists: a collection of materials]. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora Publ., 2010, pp. 18–29. (in Russ.).
- Levkievskaya E. E. [Rumors as a speech genre]. *Fol'klor i postfol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore and post-folklore: structure, typology, semiotics]. Available at: http://www.ruthenia.ru/folklore/lso9_program_levkievskaya.htm (accessed: 12.11.2020). (in Russ.).
- Losinskaya A. Yu. [Folklore forms in role sub-culture: ironical and exorbitant]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law sciences, Culturology and Study of Art. Issues of theory and practice], 2011, no. 5 (11), part 3, pp. 100–103. (in Russ.).
- Neklyudov S. Yu. [After folklore]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1995, no. 1, pp. 2–4. (in Russ.).

Neklyudov S. Yu. [Folklore traditions of the modern city]. Available at: <https://www.culture29.ru/upload/medialibrary/f67/f67211a724844c58553b17ad1374f56a.pdf> (accessed: 03.11.2020). (in Russ.).

Petrov N., Arkhipova A., Spiridonov V., Peigin B. [Infodemia: existing approaches to the analysis of panics, phobias, rumors, fakes during epidemics and proposals for combating them]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia. Trends and challenges of socio-economic development], 2020, no. 8 (110), pp. 70–77. (in Russ.).

Rodionova O. I. [Folk culture and folklore in changing the space of social communications of Russian society: main trends]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University Young Scientists' Research], 2005, iss. 4, part 1, pp. 104–109. (in Russ.).

Sovremennyy gorodskoy fol'klor [Contemporary urban folklore]. Minsk: BGU Publ., 2014. (in Russ.).

Strel'tsova E. Yu. [Modern urban folklore in the perspective of academic consideration]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2014, no. 1 (57), pp. 148–151. (in Russ.).

Tikhomirov S. A. *Fol'klor sovremennoy gorodskoy molodezhi: aksiologicheskii aspekt: Avtoref. kand. diss.* [Folklore of modern urban youth: an axiological aspect: Abst. Diss. Cand.]. Saint Petersburg, 2009. (in Russ.).

Trostina M. A., Shishkanova K. N. [Professional folklore of medical workers]. *Modern Humanities Success / Uspekhi gumanitarnykh nauk* [Modern Humanities Success], 2020, no. 12, pp. 230–235. (in Russ.).

Veselova I. S. [Narratology of Stereotypical Authentic Prose]. *Russkiy fol'klor v sovremennykh zapisyakh* [Russian folklore in modern recordings]. Available at: http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php?rubr=Research-articles (accessed: 26.11.2020). (in Russ.).